
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ (JURISPRUDENCE)

Оригинальная статья/Original article

УДК 347.77:004.8

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.5-6.204-217>

Проблемы правового регулирования технологий искусственного интеллекта в сфере защиты интеллектуальных прав

С.М. Аламова*Университет управления «ТИСБИ», г. Казань, Россия**sm-alamova@mail.ru*

Аннотация

Стремительное развитие цифровых технологий и внедрение искусственного интеллекта в сферу создания и распространения интеллектуальной деятельности актуализируют проблему обеспечения надлежащей защиты интеллектуальных прав и требуют пересмотра существующих подходов к их правовому регулированию. В настоящей статье анализируются основные проблемы защиты интеллектуальной собственности в цифровой среде, включая определение правового режима произведений, созданных с участием искусственного интеллекта, а также вопросы использования охраняемых авторским правом произведений для обучения генеративных алгоритмов. Особое внимание уделено доктринальным концепциям правосубъектности искусственного интеллекта, в том числе подходам к определению его правового статуса, включая идеи «электронного лица» и «квазисубъекта». Сделан вывод о необходимости формирования правовых режимов для регулирования использования технологий искусственного интеллекта, в основе которых должен лежать антропоцентрический подход, обеспечивающий приоритет защиты прав и интересов человека в процессе взаимодействия с технологиями. Подчеркивается, что эффективное правовое регулирование должно сочетать классические цивилистические конструкции с современными механизмами контроля и защиты, обеспечивая безопасность цифровой среды и соблюдение прав человека в условиях цифровизации.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, искусственный интеллект, цифровые технологии, цифровизация, защита интеллектуальных прав, нормативно-правовое регулирование

Для цитирования: Аламова С.М. Проблемы правового регулирования технологий искусственного интеллекта в сфере защиты интеллектуальных прав // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2025. Т. 167, кн. 5-6. С. 204–217. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.5-6.204-217>.

Legal issues arising with regulation of artificial intelligence technologies when protecting intellectual property rights

S.M. Alamova

University of Management "TISBI", Kazan, Russia

sm-alamova@mail.ru

Abstract

Digital technologies are evolving at an unprecedented pace, with artificial intelligence increasingly involved in the creation and dissemination of assets arising from human intellect, and thus underscoring the growing need for a more effective protection of intellectual property rights and calling for a reassessment of existing approaches to their legal regulation. Here, the key issues associated with this problem are summarized, including the determination of the legal regime for managing intellectual assets created with the use of artificial intelligence tools and the application of copyright-protected intellectual property for training generative algorithms. Various doctrinal conceptions about whether artificial intelligence is a separate legal subject or not and competing approaches to defining its legal status, the notions of an "electronic person" and a "quasi-subject" in particular, are analyzed. The conclusion is that it is necessary to establish an effective legal framework to regulate the use of artificial intelligence technologies based on an anthropocentric approach that places the protection of human rights and interests at the forefront of all interactions with technology. This framework should balance established civil law constructs with modern mechanisms of oversight and protection, thus ensuring the security of the digital environment and the safeguard of human rights in the context of digitalization.

Keywords: intellectual property, artificial intelligence, digital technologies, digitalization, protection of intellectual property rights, legal regulation

For citation: Alamova S.M. Legal issues arising with regulation of artificial intelligence technologies when protecting intellectual property rights. *Kazan Journal of Historical, Linguistic, and Legal Research*, 2025, vol. 167, no. 5-6, pp. 204–217. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.5-6.204-217>. (In Russian)

Введение

Динамичное развитие технологий искусственного интеллекта и сферы его применения ставят перед юридической наукой новые проблемы, суть которых сводится к минимизации или устранению тех причин и условий, посредством которых могут быть нарушены конституционные права и свободы человека и гражданина. Несмотря на интенсификацию процессов внедрения искусственного интеллекта в разнообразные сферы человеческой деятельности и получение некоторого экономического эффекта от высвобождения отдельных профессий и трудовых обязанностей, заменяемых прогрессивными технологиями, рискогенность такой интенсификации очевидна.

Утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» (УП-490) в числе первоочередных принципов определяет защиту «гарантированных российским и международным законодательством прав и свобод человека, в том числе права на труд, предоставление гражданам возможности получать знания и приобретать навыки для успешной адаптации к условиям цифровой экономики».

Доктринально обоснованный, системно- и практико-ориентированный процесс целеполагания современного права приобретает особое значение в условиях цифровизации в связи с тем, что отсутствие целей, предположим, того же цифрового права, существенно осложняет качество его нормативной регламентации, а следовательно, и всего правореализационного, включая правоприменительный, процесса [1, с. 47]. Соответственно, пробелы законодательства, в том числе кодифицированного, в части формулирования целей усложняют обозначение задач, при помощи выполнения которых возможно упорядочивание общественных отношений в областях внедрения и использования искусственного интеллекта. Здесь остро встает вопрос о нормативно-правовом обеспечении этой относительно новой сферы деятельности.

«При этом, – как отмечает В.В. Лазарев, – юристам не обязательно постигать математические и технические тайны цифровизации: цифровизация не входит в предмет юридической науки... но юридическая наука не может игнорировать постановку общих целей использования... искусственного интеллекта» [2, с. 7–8]. Следовательно, ученые-правоведы должны сосредоточиться на способах, средствах и механизмах правового регулирования искусственного интеллекта.

Результаты и обсуждение

Аналитическое понятие «нормативно-правовое обеспечение [чего-либо]» указывает на наличие некоторой совокупности источников права – законов, подзаконных нормативных правовых актов и других правовых документов, посредством которых государство в лице уполномоченных органов устанавливает юридические механизмы, средства и инструменты для упорядочивания определенных сфер общественных отношений.

Оценка обеспеченности интеллектуальных прав гарантированной защитой в условиях цифровизации является вопросом прикладного характера, решение которого, на наш взгляд, должно основываться на общепринятых принципах, критериях и иных базовых положениях, достаточно хорошо разработанных в юридической доктрине в целом и в теории правотворчества в частности.

Правовые нормы в области интеллектуальной собственности требуют высокой степени детализации и специализации, поскольку они регулируют различные виды прав (авторские права, патенты, товарные знаки и т. д.), дифференцированных в целях их защиты. Правотворчество в этой сфере должно способствовать стимулированию инновационной деятельности, включая защиту новых идей и разработок, с учетом интересов многих сторон: авторов, инвесторов, пользователей и общества в целом, чтобы обеспечить справедливый баланс между защитой прав и свободным доступом к информации и культуре. Правоприменительная практика не должна быть преградой для технологического прогресса, и наоборот.

Социально-правовой смысл нормативного обеспечения защиты интеллектуальной собственности в условиях цифровизации заключается в формировании безопасного, то есть защищенного, правового пространства для функционирования и развития цифровой среды.

Современная цифровая среда, которая подлежит правовому регулированию и в том числе влияет на защиту интеллектуальной собственности, представляет собой организованную систему взаимодействующих элементов, включая цифровые технологии, информационные ресурсы, пользователей и нормы права, которые обеспечивают создание, распространение и охрану объектов интеллектуальной собственности. В данной структуре объединены облачные сервисы, мобильные платформы, системы управления данными, а также механиз-

мы контроля и регулирования использования интеллектуальной собственности в цифровом пространстве, такие как:

- мобильные технологии, включающие в себя устройства (смартфоны, планшеты) и сети, позволяющие пользователям получать доступ к информации и услугам в любом месте; их фокус – на мобильности и доступности, обеспечении связи и взаимодействия пользователей с цифровым контентом;
- технологии облачных вычислений обеспечивают удаленное хранение и обработку информации с доступом через сеть интернет, особое значение в них придается оптимизации использования ресурсов, гибкости инфраструктуры и снижению затрат на ее поддержание;
- блокчейн-технологии, представляющие собой децентрализованные базы данных, которые обеспечивают безопасное и прозрачное хранение информации; они фокусируются на безопасности, прозрачности и неизменяемости данных при проведении транзакций;
- технологии искусственного интеллекта (их можно назвать цифровыми технологиями последнего поколения), включающие алгоритмы и модели, которые обучаются на данных для автоматизации задач и улучшения принятия решений подобно тому, как это сделал бы человек; фокус этих технологий – анализ данных, обучение и автоматизация и т. д.

Каждая из перечисленных технологий имеет свои уникальные особенности и области применения. Для обеспечения постоянного доступа к информации применяются мобильные технологии, тогда как облачные платформы ориентированы на удаленное хранение и обработку данных, искусственный интеллект применяется преимущественно для анализа информации и автоматизации процессов, а блокчейн используется для повышения надежности и прозрачности операций.

По нашим наблюдениям, законодательные новеллы, так или иначе отражающие правовую адаптацию к цифровой среде, можно встретить в трех вариациях:

а) к первой группе норм, отражающих влияние технологических изменений, можно отнести положения Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК-IV), которые на данный момент лишь частично учитывают цифровую трансформацию и не формируют самостоятельной системы инновационной охраны интеллектуальной собственности;

б) вторая группа состоит из норм, которые обусловлены цифровыми трансформациями, но непосредственной связи с институтами интеллектуальной собственности не имеют; для этой группы не исключено применение по аналогии при защите интеллектуальной собственности (например, приоритет правил информационной системы, установленный п. 1 ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК-I));

в) к третьей группе относятся пробелы в правовом регулировании, то есть ситуации, когда отсутствует конкретная норма, которая могла бы регулировать определенные отношения. Эту норму называем «нулевой», поскольку она фактически не осуществляет правового регулирования, хотя оно и необходимо (например, установление правового режима результатов творчества генеративного искусственного интеллекта).

В научной литературе активно обсуждаются также концептуальные подходы к правовому регулированию отношений, связанных с искусственным интеллектом.

Так, И.Н. Тарасов обоснованно утверждает, что для эффективного правового регулирования использования искусственного интеллекта необходимо четкое определение данного понятия, основанное на анализе фактических свойств и характеристик искусственного интеллекта как технико-культурного явления [3, с. 123]. Он анализирует существующие подходы к определению понятия «искусственный интеллект» в юридической литературе,

отмечая, что большинство существующих определений данного понятия не учитывают его юридическую природу и правовой статус, а сосредоточены только на технической составляющей искусственного интеллекта. И.Н. Тарасов предполагает, что интеграция искусственного интеллекта в правовую систему возможна в рамках двух основных направлений: концептуалистского, в рамках которого анализируются свойства и особенности искусственного интеллекта с последующим выведением юридического определения, и нормативного, предполагающего присвоение искусственному интеллекту определенного правового статуса законодателем.

Интересная концепция правового регулирования технологий искусственного интеллекта приводится в статье Ю.Г. Арзамасова [4], который рассматривает проблему правового регулирования искусственного интеллекта через соотношение обязательных и рекомендательных норм, выделяя три возможные модели правового регулирования соответствующей нормативной системы.

Первая основана на идее «мягкого» регулирования и предполагает использование преимущественно рекомендательных норм и стандартов, не имеющих императивного характера, но оказывающих регулирующее воздействие на поведение участников отношений. Вторая представляет собой модель «жесткого» регулирования, при которой основное значение придается обязательным правовым предписаниям и государственному контролю за их исполнением. Третья, «смешанная», модель сочетает элементы обеих систем, используя нормы обязательного, рекомендательного и запретительного характера, что позволяет учитывать разнообразие общественных отношений, возникающих в связи с использованием технологий искусственного интеллекта. Отмечается, что создание оптимальной универсальной модели правового регулирования в сфере искусственного интеллекта невозможно без учета особенностей национальных правовых систем и политических режимов государств. Автор приходит к выводу, что одна и та же модель может быть успешной в одной стране, но давать сбои в другой, требуя модернизации или полной замены.

Кроме того, Ю.Г. Арзамасовым предложено обоснование комплексного подхода к определению искусственного интеллекта [5]. Анализируя существующие подходы к пониманию этого феномена, исследователь приходит к выводу, что он представляет собой результат конвергенции различных направлений технауки, объединяющей достижения инженерии, информатики, когнитивных исследований и других областей знания. В обозначенной связи формирование исключительно юридического определения искусственного интеллекта представляется затруднительным, поскольку проблема неизбежно затрагивает вопросы его возможной правосубъектности и места в системе права. Следовательно, комплексный подход, учитывающий междисциплинарный характер данного явления, выступает необходимым условием для выработки согласованных правовых механизмов регулирования искусственного интеллекта. Последний предлагается рассматривать в четырех ипостасях: в «широком», общенаучном смысле; в техническом смысле; как компьютерные программы, имитирующие когнитивные функции человека, и в «узком», нормативном смысле, когда искусственный интеллект выступает объектом правовых отношений.

Е.С. Тютчева обращается к проблеме определения правового статуса искусственного интеллекта через призму существующих концепций правосубъектности [6]. Сравнивая характеристики искусственного интеллекта с признаками физических и юридических лиц, исследователь подчеркивает, что применение традиционных моделей правосубъектности к «электронному лицу» не может считаться корректным. Особое внимание уделяется во-

просам юридической ответственности, отмечается, что ответственность за действия искусственного интеллекта должна возлагаться на человека, обеспечивающего функционирование системы, в силу того что сам искусственный интеллект не обладает необходимыми условиями для наступления ответственности.

На основании проведенного анализа Е.С. Тютчева делает вывод о том, что наиболее обоснованным является рассмотрение искусственного интеллекта как «квазисубъекта», обладающего ограниченным правовым статусом, который, с одной стороны, отражает специфику данного явления, а с другой – не препятствует его дальнейшему технологическому развитию.

В.А. Лаптев в своей работе также обращается к проблеме определения правовой природы искусственного интеллекта и его места в системе юридических категорий [7]. Исследуя соотношение понятий «искусственный интеллект», «робот» и «киберфизическая система», автор также анализирует возможные подходы к вопросу о привлечении к юридической ответственности за деятельность искусственного интеллекта. Особое внимание уделяется перспективам развития законодательства, направленного на регулирование киберфизических отношений и определение правового статуса их участников. В.А. Лаптев подчеркивает, что правовое регулирование использования искусственного интеллекта в предпринимательской и иной экономической деятельности должно основываться на взаимосвязи технологического, программного и правового аспектов, что, по мнению ученого, позволит сформировать комплексный подход к определению правового статуса искусственного интеллекта.

Фундаментальному гражданско-правовому осмыслению феномена искусственного интеллекта, раскрытию состояния и тенденций правового регулирования отношений, возникающих в связи с его использованием, а также определению правового положения юнитов искусственного интеллекта в целом и в сфере права интеллектуальной собственности посвящено диссертационное исследование П.М. Морхата [8].

Ученым обоснованы нижеследующие научные позиции.

1. Концепт правосубъектности «электронное лицо» определяется как особая юридическая конструкция, сочетающая черты правового статуса физических и юридических лиц, но не сводимая полностью ни к одной из этих категорий. Электронное лицо представляет собой технико-правовой феномен, посредством которого в правовой системе закрепляется способность автономного юнита искусственного интеллекта быть носителем определенных прав и обязанностей.

2. Правосубъектность юнита искусственного интеллекта должна быть мультимодальной и определяться в зависимости от степени автономности, целевого назначения и правовых последствий его функционирования.

3. Основные концепты определения носителя прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с участием юнита искусственного интеллекта: машиноцентрический, гибридного авторства, служебного произведения, антропоцентрический, «исчезающего» авторства, контаминационный.

4. Возможные режимы правового регулирования прав интеллектуальной собственности на результаты, полученные с использованием искусственного интеллекта, могут варьироваться от полного отрицания правосубъектности такого участника до признания за ним отдельных прав на созданные результаты интеллектуальной деятельности, а также включать промежуточные модели, при которых права распределяются между создателем, владельцем и пользователем системы.

5. Модели юридической ответственности за действия юнита искусственного интеллекта могут быть построены по различным основаниям: через признание искусственного интеллекта инструментом человека, через установление ответственности лица, осуществляющего контроль за его деятельностью либо через введение самостоятельных режимов ответственности, учитывающих специфику функционирования автономных систем.

«Юнит искусственного интеллекта – это полностью или частично автономная самоорганизующая (и самоорганизующаяся) компьютерно-аппаратно-программная виртуальная или киберфизическая, в том числе био-кибернетическая, система, не живая в биологическом смысле, с соответствующим математическим обеспечением, наделенная/обладающая программно-синтезированными (эмулированными) способностями и возможностями, такими как антропоморфно-разумные мыслительные и когнитивные действия, самореферентность, самообучение и т. д.» [8, с. 10–11].

Приведенные характеристики предполагают, что юнит:

- способен самостоятельно (без постоянного внешнего управления) функционировать и принимать решения;
- способен к самостоятельной организации и перестройке своей работы в зависимости от условий эксплуатации;
- включает в себя аппаратные (hardware) и программные (software) компоненты, обеспечивающие его работу;
- может существовать как полностью в цифровом пространстве, так и взаимодействовать с физическим миром;
- наделен эмулированными способностями, такими как антропоморфное мышление, самообучение, самореферентность и др., то есть юнит обладает интеллектуальными функциями, похожими на человеческие;
- не является живым биологическим существом, а представляет собой технологическую систему.

Следовательно, юнит искусственного интеллекта сочетает в себе черты автономности, самоорганизации и интеллектуальных способностей, не будучи при этом живым существом. Это означает, что способности и возможности юнита искусственного интеллекта не являются натуральными в биологическом смысле, а программно-технически имитируются, симулируются, воспроизводятся искусственно.

Отсюда следует ряд практически важных выводов:

- 1) юниты искусственного интеллекта не обладают полноценной правосубъектностью, сопоставимой с человеком, – их правосубъектность должна быть мультимодальной, гетерогенной, зависящей от конкретного функционального назначения;
- 2) в правовом регулировании искусственного интеллекта необходим мультимодальный подход, возможны различные модели определения прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с участием юнитов искусственного интеллекта: от полного отказа в обладании правами до наделения правами самих юнитов;
- 3) ответственность за действия юнитов искусственного интеллекта также должна определяться по различным моделям – как ответственность за действия инструмента, за естественные последствия, прямая ответственность юнита или квази-субститутивная ответственность владельца;
- 4) юниты искусственного интеллекта могут быть полезными помощниками человека в юридической практике, выполняя вспомогательные функции, но не могут полностью заменить судей или юристов;

5) существует необходимость совершенствования законодательства в сфере интеллектуальной собственности, чтобы адаптировать его к реалиям применения технологий искусственного интеллекта.

В целом результаты исследования П.М. Морхата показывают, что взаимодействие человека и машины должно строиться на основе ограниченной, вспомогательной, подчиненной роли юнитов искусственного интеллекта при сохранении ведущей роли человека.

В контексте проблематики правового регулирования искусственного интеллекта отметим, что существующие исследования и разработки касаются концептуальных подходов к правовому регулированию отношений, связанных с искусственным интеллектом, включая определение понятия «искусственный интеллект», рассмотрение вопросов о правосубъектности систем искусственного интеллекта, ответственности за их действия, а также правовом режиме результатов интеллектуальной деятельности, созданных с участием искусственного интеллекта.

Полагаем, что разработка правового регулирования технологий искусственного интеллекта должна быть главной зоной нормативно-правового обеспечения защиты интеллектуальной собственности в условиях цифровизации. Связываем это с обстоятельствами, приведенными ниже.

Технологии искусственного интеллекта – это новые объекты, нуждающиеся в правовом регулировании и требующие выработки специальных правовых режимов, корреспондирующих многообразию и сложности связанных с ними прав и обязанностей: например, под категорию технологий искусственного интеллекта подпадают нейронные сети, используемые для распознавания лиц и в беспилотных автомобилях, чат-боты и электронные системы перевода, промышленные и сервисные роботы, предложения продуктов или контента на основе предпочтений пользователя, а также многие другие технологические решения, все более широко применяемые во всех сферах, включая финансы, здравоохранение, транспорт и развлечения.

В частности, технологии искусственного интеллекта демонстрируют многогранную соотнесенность и взаимосвязь с традиционными институтами интеллектуальной собственности. С одной стороны, искусственный интеллект способен генерировать оригинальные произведения, с другой – выступает в качестве инструментов защиты таких произведений, но при этом он также создает угрозу вследствие того, что обучение моделей искусственного интеллекта осуществляется на основе данных, которые могут находиться под авторско-правовой охраной, а единый подход к квалификации подобных ситуаций не выработан.

На уровне обыденного сознания искусственный интеллект нередко воспринимается либо как популярное развлечение, либо как угроза занятости для представителей профессий, предполагающих рутинный труд, либо как практически ненужное устройство, едва ли не принудительно внедряемое в обиход путем навязываемого встраивания технологий искусственного интеллекта в персональные мобильные устройства и различные платформенные решения.

В качестве примера весьма показателен один из отчетов, посвященных общественному мнению и отношению к искусственному интеллекту [9]. В частности, в отчете приводятся некоторые статистические данные о степени доверия общественности к рассматриваемому феномену:

– в октябре 2022 г. только 39 % опрошенных по всему миру согласились, что имеющихся мер безопасности достаточно, чтобы сделать использование искусственного интеллекта безопасным, при этом наблюдались большие различия между странами;

— в мае 2023 г. только 18 % взрослых в Великобритании допускали, что технологические компании, разрабатывающие искусственный интеллект, могут подойти к этому со всей ответственностью, 66 % имели к этому допущению мало доверия или совсем не верили в такую возможность;

— в октябре 2023 г. 42 % взрослых в Великобритании и 48 % в США заявили, что они верят в возможность того, что технологические компании обеспечат безопасность и предотвратят вред от разрабатываемого ими искусственного интеллекта, в то время как 50 % и 44 % соответственно не верили в это [9, с. 37–38].

Данные опроса показывают, что доверие общественности к способности технологических компаний и правительств управлять искусственным интеллектом является низким или средним, с существенными различиями между странами. Обратим внимание на тот факт, что это отношение не столько к технологиям искусственного интеллекта как таковым, сколько к деловой репутации компаний, их создающих, внедряющих и распространяющих.

В оценочном плане, согласно отчету, общественное мнение об искусственном интеллекте остается неоднородным – отчетливо выражены как оптимистичные, так и обеспокоенные настроения. Кроме того, выявлены следующие тенденции:

— по мере распространения технологий искусственного интеллекта осведомленность населения о них повышается, так же как и расширяется знакомство с ними, но уровень доверия к управлению искусственным интеллектом остается относительно низким и тенденций роста не обнаруживает;

— в своих оценках искусственного интеллекта и отношении к нему в Китае и Индии общественность более позитивна, чем в Великобритании и США (данное обстоятельство исследователи связывают с культурными установками и предпочтениями, а также с общим уровнем доверия к правительствам);

— наибольшее количество опасений относительно возможного негативного влияния искусственного интеллекта связано с угрозой занятости, а также со сферами правоохранительной деятельности и военного дела.

Подчеркнем, что наряду с общественным мнением существуют факты, которые свидетельствуют о столь существенном влиянии технологий искусственного интеллекта на повседневную жизнь, что, разумеется, правовое регулирование их использования представляется если не первоочередной, то во всяком случае одной из критически важных нормотворческих задач.

Так, хорошо известно, что для обучения моделей искусственного интеллекта применяются все информационные ресурсы и продукты общества (в их числе, кстати, и те, что пользуются авторско-правовой охраной). Будучи своего рода слепками общества, такие модели воспринимают и несут в себе все положительные и отрицательные черты данного общества, распространяя их на неограниченный круг лиц. При этом полученный слепок не статичен, поскольку ИИ-системы не только отражают реальность, но и активно формируют ее, многократно усиливая эффект за счет целенаправленного использования технологий, которое далеко не всегда является социально и/или этически одобряемым – от автоматизации распространения дезинформации до разжигания агрессии и прочих деструктивных настроений и состояний. Более того, этот поток разнонаправленной информации заполняет интернет, попадает в наборы данных и таким путем становится основой для последующих поколений ИИ-моделей, которые будут обучены в том числе и на данных негативного ха-

рактера. В результате негативные паттерны не просто сохраняются, а множатся, создавая долгосрочные системные риски для общества.

В таких условиях неотъемлемым элементом безопасности искусственного интеллекта является правовое регулирование. Однако верно и то, что чрезмерное регулятивное вмешательство создает труднопреодолимые препятствия как для развития самих технологий, так и для роста экономического эффекта их использования. Дискуссия о поиске баланса в подобной ситуации не прекращается и является довольно острой, но данное обстоятельство не должно приводить к обесцениванию необходимости правового регулирования как такового.

На столь обширном общем фоне правовая охрана произведений, созданных с помощью искусственного интеллекта, составляет частную проблему, которая в настоящее время в российской правовой системе остается открытой – как, впрочем, и прочая проблематика регулирования технологий искусственного интеллекта.

Существующие подходы к правовому регулированию генеративного искусственного интеллекта в контексте авторского права подробно проанализированы И.В. Овчинниковым [10], который обозначает несколько проблем и возможные пути их решения.

По вопросу определения правового режима результатов творчества генеративного искусственного интеллекта в контексте авторского права исследователь считает, что распространение на пользователя нейронной сети статуса автора созданных ею произведений необоснованно, так как его творческий вклад сводится к простому формулированию запроса без приложения значительных усилий. Признание прав на такие произведения И.В. Овчинников считает равнозначным отречению от теоретико-философских основ авторского права. По вопросу о субъекте ответственности в случае создания произведения генеративным искусственным интеллектом, нарушающего интеллектуальные права, исследователь утверждает, что субъектом ответственности должно быть лицо, фактически использовавшее сгенерированный объект, нарушающий права. Возложение ответственности на разработчика нейронной сети было бы несправедливым, так как он не совершал действий, нарушающих исключительные права.

По проблеме использования охраняемых авторским правом произведений для обучения нейронных сетей генеративного искусственного интеллекта И.В. Овчинников признает, что включение охраняемых произведений в дата-сети для обучения генеративного искусственного интеллекта технологически предполагает их воспроизведение, что составляет прерогативу правообладателя.

Следовательно, возникает вопрос, может ли использование охраняемых произведений при обучении систем искусственного интеллекта рассматриваться как нарушение исключительного права. Очевидно, что данная проблема включает не только юридические, но и экономические, и этические аспекты, поскольку затрагивает интересы правообладателей и разработчиков технологий. Несмотря на то, что искусственный интеллект, обученный на охраняемых произведениях, может вытеснять правообладателей с рынка, сам по себе факт обучения не может рассматриваться как нарушение точно так же, как не является нарушением чтение книги.

Как обоснованно указывает И.В. Овчинников, в подобных ситуациях надо руководствоваться общим правилом, применяемым к производным и составным произведениям, а именно – о нарушении исключительного права говорит не создание, но использование объекта без согласия правообладателя.

Рассуждая о проблеме соотношения свободного использования произведений и прав правообладателей в контексте тренировки генеративного искусственного интеллекта, И.В. Овчинников обращается к зарубежному опыту и отмечает, что в США подобный вопрос решается в рамках доктрины добросовестного использования (fair use), а в европейских странах – в рамках специального изъятия из общего урегулирования, что предполагает презумпцию согласия правообладателя на использование произведения для машинного обучения, если это прямо не запрещено правообладателем.

В перечисленных позициях усматриваем подтверждение и развитие имеющихся исследований и подходов в обозначенной области. Согласимся с ними в том, что касается мнения о невозможности отнесения генерируемых произведений к объектам авторских прав, поскольку они не обладают признаком творческого вклада человека. По своей природе такие результаты ближе к явлениям коллективного культурного наследия (фольклору, народным художественным промыслам, традиционным формам творчества), что делает оправданным их исключение из режима охраны авторским правом. Обоснованным представляется и подход, согласно которому процесс обучения генеративных моделей следует рассматривать как самостоятельный случай свободного использования произведений, при этом ответственность за возможные нарушения авторских прав при применении таких систем должна возлагаться не на разработчиков искусственного интеллекта, а на конкретных пользователей, осуществляющих его использование.

Таким образом, «сочетание новейших технологий с традиционными законами позволяют создать новый качественный уровень защиты интеллектуальной собственности»¹.

Полагаем, что в контексте защиты интеллектуальной собственности в цифровой среде следует различать «нормативно-правовое обеспечение» и «нормативно-правовую обеспеченность». Если в первом случае мы имеем дело с нормативным массивом, состоящим из законов, подзаконных нормативных правовых актов и международных соглашений, которые устанавливают соответствующие правила, то во втором подразумевается фактический уровень реализации этих норм в данный момент, включая наличие эффективных механизмов защиты прав, практику их применения, судебные решения и активность правоохранительных органов в области защиты интеллектуальной собственности, то есть все то, что относится к эффективности этих инструментов в реальной жизни.

Нормативно-правовая обеспеченность зависит не только от собственно юридических факторов. Так, в России на правительственном уровне было принято решение приостановить законодательное регулирование искусственного интеллекта на два года. Вице-премьер – Руководитель Аппарата Правительства Российской Федерации Дмитрий Григоренко отметил: «Мы не считаем, что сейчас именно тот момент, когда нужно заходить с регуляторикой самого развития и применения. ... Пару лет проживем в таких реалиях, а дальше будем думать, что делать», чтобы «не появиться слишком рано или слишком поздно»². Тем не менее следует подчеркнуть, что приостановление соответствующей нормотворческой деятельности носит временный характер и как таковое не является запретом на продолжение научных изысканий в рассматриваемой области, составляющих базу нормотворчества.

¹ Старостина Е.С., Ситдикова Р.И. Legaltech в праве интеллектуальной собственности // Цифровые технологии и право: сборник научных трудов I Междунар. науч.-практ. конф., Казань, 23 сентября 2022 г. / Под ред. И.Р. Бегишева и др. Казань: Познание, 2022. С. 37.

² В РФ в ближайшие годы не планируют законодательно регулировать ИИ // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/23251435>, свободный.

Заключение

С развитием цифровых технологий, включая искусственный интеллект, возникает необходимость формулирования правовых режимов, регулирующих их использование. Важно избегать так называемого «правового романтизма», который может привести к избыточной регламентации и фрагментации правового поля. Мы сталкиваемся с дилеммой: с одной стороны, существует тенденция воспринимать каждую новую технологию как объект правового регулирования, требующего создания уникального правового режима; с другой стороны, имеются основания рассматривать технологические новшества как новые формы, к которым можно применить традиционные цивилистические конструкции.

Считаем необходимым обратить внимание на то, что нормативное урегулирование защиты интеллектуальной собственности в цифровой среде должно опираться на антропоцентрический подход, предполагающий приоритет защиты прав и интересов человека в процессе его взаимодействия с машинами и технологиями, обеспечивая гармонию между технологическими инновациями и правами личности. Этот принцип имеет фундаментальное значение для современной парадигмы защиты интеллектуальной собственности и служит основой для ее интеграции с классической правовой системой.

Практически то же самое можно утверждать и в отношении нормативно-правового обеспечения защиты интеллектуальной собственности в условиях цифровизации, так как в системе данного обеспечения тоже можно выделить инновационную часть. В этой связи вновь укажем, что правовые нормы, создаваемые по мере нормативно-правового обеспечения защиты интеллектуальной собственности в цифровую эпоху, должны служить интересам человека, обеспечивая его права и свободы в контексте создания, использования и защиты интеллектуальных продуктов в цифровой среде.

В сфере взаимодействия с машинами и технологиями защита прав и интересов человека требует особого внимания. Ведь именно человек является основным создателем интеллектуальных продуктов. Другое дело, что материально воплощенные результаты его творческой деятельности начинают «жить своей собственной жизнью», но этот процесс характерен и для доцифровой эпохи. Проблема заключается в том, что в условиях цифровизации, когда машины и алгоритмы могут генерировать контент (например, искусственный интеллект, создающий музыку или произведения искусства), важно определить, каким образом права на такие произведения будут относиться к человеку, который использует эти технологии.

В силу принципа антропоцентризма взаимодействие человека и машины подразумевает необходимость защиты прав пользователей технологий. Интересы людей, использующих цифровые платформы для создания, распространения и потребления интеллектуальной собственности, должны быть законодательно защищены; законодателю также необходимо учитывать влияние автоматизированных систем на права и свободы человека, обеспечивая справедливость и доступность в использовании интеллектуальной собственности.

В заключение констатируем положительные и отрицательные черты нормативного обеспечения защиты интеллектуальной собственности в цифровой среде.

Положительным признаком нормативного обеспечения защиты интеллектуальной собственности в цифровой среде можно считать то, что действующее законодательство позволяет защищать интересы правообладателей интеллектуальной собственности, переведенной в цифровую форму, гарантируя возможность защиты прав в случае нарушения и установление механизмов регулирования их использования.

Отрицательным признаком нормативного обеспечения защиты интеллектуальной собственности в цифровой среде является недостаточная степень междисциплинарного экспертного взаимодействия при разработке нормативно-правового регулирования, что препятствует разработке и введению в законодательство четких и однозначных определений новых понятий, связанных с цифровыми технологиями, и в итоге затрудняет правовое регулирование, создавая предпосылки для нарушения принципа правовой определенности, а также способствует формированию моделей рискованного поведения, ведущего к совершению правонарушений, в том числе преступлений.

Приостановление законодательного регулирования искусственного интеллекта может негативно сказаться на своевременности и качестве нормативно-правового обеспечения защиты интеллектуальной собственности в условиях стремительного развития цифровых технологий.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

Источники

- УП-490 – Указ Президента РФ от 10 окт. 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.
- ГК-IV – Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 23 июля 2025 г.) // СЗ РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.
- ГК-I – Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

Литература

1. Степаненко Р.Ф., Хамидуллина Ф.И. Целеполагание в праве: общеправовые и теоретико-методологические проблемы // Государство и право. 2024. № 10. С. 45–54. <https://doi.org/10.31857/S1026945224100052>.
2. Лазарев В.В. Юридическая наука в свете перспектив цифровизации // Журн. рос. права. 2023. Т. 27, № 2. С. 5–19. <https://doi.org/10.12737/jrp.2023.013>.
3. Тарасов И.Н. Проблемы правового регулирования на примере понятия «искусственный интеллект» // Lex russica. 2022. Т. 75, № 1. С. 122–130. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.182.1.122-130>.
4. Арзамасов Ю.Г. Оптимальная модель правового регулирования в сфере искусственного интеллекта // Вестн. ВГУ. Сер.: Право. 2023. № 2 (53). С. 133–148. <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/2/133-148>.
5. Арзамасов Ю.Г. Комплексный подход к определению искусственного интеллекта // Вестн. ВГУ. Сер.: Право. 2022. № 3 (50). С. 242–262. <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2022/3/242-262>.
6. Тютчева Е.С. Правосубъектность «электронного лица»: теоретический анализ // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2022. № 2 (12). С. 50–58. <https://doi.org/10.22394/2686-7834-2022-2-50-58>.
7. Лантнев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журн. ВШЭ. 2019. № 2. С. 79–102. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2019.2.79.102>.
8. Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 44 с.

9. Dreksler N., Law H., Ahn C., Schiff D.S., Schiff K.J., Peskowitz Z. What does the public think about AI? An overview of the public's attitudes towards AI and a resource for future research. Report. Ver. 1. Centre for the Governance of AI. 2025. 132 p. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.5108572>.
10. Овчинников И.В. Генеративный искусственный интеллект и авторское право // Журн. Суда по интеллектуальным правам. 2025. № 1 (47). С. 74–82. https://doi.org/10.58741/23134852_2025_1_1.

References

1. Stepanenko R.F., Khamidullina F.I. The goal setting in law: The theoretical and methodological problems of substantive and procedural law. *State and Law*, 2024, no. 10, pp. 45–54. <https://doi.org/10.31857/S1026945224100052>. (In Russian)
2. Lazarev V.V. Legal science in the light of the prospects of digitalization. *Journal of Russian Law*, 2023, vol. 27, no. 2, pp. 5–19. <https://doi.org/10.12737/jrp.2023.013>. (In Russian)
3. Tarasov I.N. Problems of legal regulation as in the case of the concept of “artificial intelligence”. *Lex russica*, 2022, vol. 75, no. 1, pp. 122–130. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.182.1.122-130>. (In Russian)
4. Arzamasov Yu.G. An optimal model for legal regulation of artificial intelligence. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*, 2023, no. 2 (53), pp. 133–148. <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/2/133-148>. (In Russian)
5. Arzamasov Yu.G. An integrated approach to the definition of artificial intelligence. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*, 2022, no. 3 (50), pp. 242–262. <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2022/3/242-262>. (In Russian)
6. Tyutcheva E.S. Legal identity of an “electronic person”: A theoretical analysis. *Theoretical and Applied Law*, 2022, no. 2 (12), pp. 50–58. <https://doi.org/10.22394/2686-7834-2022-2-50-58>. (In Russian)
7. Laptev V.A. Artificial intelligence and liability for its work. *Law Journal of the Higher School of Economics*, 2019, no. 2, pp. 79–102. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2019.2.79.102>. (In Russian)
8. Morkhat P.M. Artificial intelligence as a subject of intellectual property law: Problems of civil law. *Extended Abstract of Dr. Sci. (Law) Diss.* Moscow, 2018. 44 p. (In Russian)
9. Dreksler N., Law H., Ahn C., Schiff D.S., Schiff K.J., Peskowitz Z. What does the public think about AI? An overview of the public's attitudes towards AI and a resource for future research. Report. Ver. 1. Centre for the Governance of AI, 2025. 132 p. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.5108572>.
10. Ovchinnikov I.V. Generative artificial intelligence and copyright law. *Zhurnal Suda po Intellektual'ny'm Pravam*, 2025, no. 1 (47), pp. 74–82. https://doi.org/10.58741/23134852_2025_1_1. (In Russian)

Информация об авторе

Светлана Мухаметовна Аламова, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права, Университет управления «ТИСБИ»

E-mail: sm-alamova@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-9550-593X>

Author Information

Svetlana M. Alamova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil and Business Law, University of Management “TISBI”

E-mail: sm-alamova@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-9550-593X>

Поступила в редакцию 19.10.2025

Принята после рецензирования 21.10.2025

Принята к публикации 1.12.2025

Received October 19, 2025

Revised October 21, 2025

Accepted December 1, 2025